

АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ

О НОВОЙ ПАРАДИГМЕ
В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ.
ЧАСТЬ 1

С.Ю. Глазьев

В статье анализируются фундаментальные вопросы кризиса экономической науки и разработки новой научной парадигмы, способной объяснить множество аномальных фактов, которые не вписываются в мейнстрим экономической мысли. Раскрываются причины неспособности последнего объяснить наблюдаемые кризисы и процессы развития современной экономики, которые кроются в неадекватности исходных положений неоклассической экономической теории. Ее концентрация на изучении состояния рыночного равновесия, которое никогда не достигается в реальной экономике, приводит к схоластическим интерпретациям процессов распределения общественного продукта, вырождающимся в апологетику существующего порядка регулирования экономики. Предлагаемый в статье новый подход ориентируется на изучение вопросов развития экономики, в качестве главного предмета анализа исследуются изменения в экономической системе, динамика которой в общем случае является нелинейной, неравновесной и неопределенной. Раскрываются закономерности экономической динамики, обусловленные особенностями научно-технического прогресса, жизненными циклами технологических и мирохозяйственных укладов, механизмами формирования технологических траекторий и научно-производственных циклов. Новая научная парадигма объясняет причины периодически происходящих экономических кризисов, прерывающих процесс экономического роста, раскрывает закономерности последнего, позволяет обосновать рекомендации для проведения успешной экономической политики.

Ключевые слова: научная парадигма, изменения, равновесие, кризис, научно-технический прогресс, закономерности, экономическое развитие.

© Глазьев С.Ю., 2016 г.

Сегодня только ленивый не ругает экономистов, дающих рекомендации руководству страны. И есть за что: стагфляционная ловушка, в которой оказалась российская экономика при наличии огромных резервов роста, нарастающий хаос и явная потеря управляемости в макроэкономике, запредельное отставание по техническому уровню и эффективности производства при колоссальном вывозе капитала и утечке умов – эти и другие неразрешимые в рамках проводимой государством экономической политики и ставшие ее следствием проблемы являются результатом *грубых ошибок* в фундаментальных решениях в области регулирования экономики.

Справедливости ради следует отметить негативное отношение к проводимой в стране экономической политике академической науки, большинство представителей которой, включая автора этих строк, последовательно и конструктивно критикуют принимаемые в этой области решения. Однако приходится констатировать невосприимчивость власти и обслуживающих ее экономистов к этой критике, излагаемой главным образом на страницах научных журналов и книг, а также замалчивание ее в СМИ, подавляющее большинство которых оправдывает и поддерживает проводимую политику.

Заметим, что за рубежом мы найдем представителей экономической мысли, включая ее представителей при власти, оказался не в силах ни спрогнозировать глобальный финансовый кризис, ни объяснить экономический подъем Китая и Индии, ни изобрести в причинах упадка старых промышленных районов США, ни понять закономерности, которые привели страны, выполнившие рекомендованные Вашингтонские реформы, к социально-экономической катастрофе¹.

В книге Джона Куинтина «Зомби-экономика: как мертвые идеи продолжают блуждать среди нас» (М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016) очень подробно описан этот процесс, который как раз и привел к последнему кризису.

Следует также вспомнить, что не только нынешние, но и советские экономисты, находившиеся при власти, оказались не в силах предвидеть крушение социалистической системы, которая казалась им самой прогрессивной и перспективной. Хуже того, выполнение их рекомендаций этой системе в значительной мере навредило, породив хаос и расшатав ее фундамент.

Вместе с тем эти факты не могут служить основанием для обвинения экономистов в злонамеренном введении в заблуждение национальных элит и общественного мнения. Они лишь иллюстрируют логику основополагающей экономической доктрины, которая определяет в данный момент сознание властвующей элиты для оправдания экономической политики и практики. Сама эта доктрина вовсе не обязательно должна отражать истинное сознание. Властвующей элите важно одобрение выгодной им политики. В этом суть различий между разными направлениями экономической мысли, господствующими в ту или иную эпоху в том или ином обществе.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И ИНТЕРЕСОВ

Едва ли кто-либо из опытных хозяйственников станет оспаривать тезис о том, что любая экономическая политика является равнодействующей материальных интересов различных социальных групп. Из этого следует вывод о том, что теория, оправдывающая и обосновывающая эту политику, есть не более чем наукообразное отражение этих интересов. Сами ученые, упражняющиеся в комбинировании абстрактных догм, могут даже не осознавать свою роль проводников чьих-то интересов. Но их популярность и признание определяются средствами массовой информации, придворными званиями, наградами, участием в престижных форумах, востребованностью органами власти, назначениями на

руководящие посты в органах власти и высшей школе и другими факторами, которыми управляет властвующая элита. Именно соответствие ее интересам является критерием отбора тех или иных «научных» рекомендаций и обосновывающих их теорий. Теории, ставящие под сомнение претензии властвующей элиты на господствующее положение в обществе, как и ее право на истину в последней инстанции, не получают пропуска ни в органы власти, ни в общественное сознание, ни в систему массового образования. Они занимают маргинальное положение на обочине мейнстрима экономической мысли, пока не окажутся востребованными новой властвующей элитой, использующей альтернативные прежней догматике научные знания.

Так было с торжеством марксизма после победы социалистической революции, который определил господствовавшую до него экономическую теорию как буржуазную и необъективную, отражающую интересы капиталистов. Однако и сам марксизм быстро выродился в набор догм, оправдывавших реальную практику социалистического строительства в СССР и моментально выветрился из коридоров власти и престижных залов с крахом последнего. Идеиные противники тут же объявили о своей окончательности, после, поторопившись заявить о «конце истории» (Фукуяма, 2010).

В действительности не произошло не только конца истории, но и преемства в экономической теории. Сегодня она представляет собой набор формализованных представлений, сведенных в «экономику»² на основе *нереалистичной аксиоматики*. И хотя последняя уже полстолетия подвергается обоснованной критике, фундамент «мейнстрима» западной экономической мысли не меняется с момента маржиналистской революции. Над

ним надстраиваются все более изощренные виртуальные конструкции, все дальше отходящие от экономической реальности.

От «мейнстрима» экономической науки уже давно не приходится ожидать ни достоверных оценок, ни полезных рекомендаций. Все уже привыкли к тому, что экономические прогнозы по качеству предсказания уступают прогнозам погоды. Успешно практикующие чиновники и бизнесмены руководствуются скорее здравым смыслом, чем «научными рекомендациями». А все наивные политики в слаборазвитых странах, которые полагаются на советы именитых ученых и наукообразные рекомендации МВФ, ввергают свои страны в социально-экономические катастрофы.

Не трудно показать, что *вращающийся вокруг доктрины рыночного равновесия неоклассический позитивный анализ является по сути наукообразной религией*, обосновывающей священное право частной собственности (Глазьев, 2011). Отвергая вмешательство государства в экономику как заведомо деструктивное и мешающее «невидимой руке рынка» оптимизировать использование имеющихся ресурсов, эта теория защищает права собственников средств производства произвольно распоряжаться ими и предписывает государству гарантировать их соблюдение. В своей вульгарной версии монетаризма эта теория выражает интересы собственников денег, по сути являясь современным наукообразным выражением ветхозаветной веры в Золотого тельца.

КРИЗИС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Разумеется, в рамках неоклассической теории получено немало интересных результатов, объясняющих различные отклонения экономики от состояния рыночного равновесия. Весьма изящно выглядят построения маржиналистов, жонглирующих понятиями предельной полезности применительно

² Под этим термином в данном контексте понимается типичная для большинства современных учебников по экономике система утверждений, основывающихся на интерпретациях рыночного равновесия.

к бесконечному разнообразию комбинаций факторов производства с целью их сведения к единому эквиваленту обмена в гипотетической точке рыночного равновесия. Импортёрванный из классической механики математический аппарат призван убедить читателя в фундаментальном значении получаемых ими интерпретаций распределения общественно-го продукта в соответствии с предельной производительностью труда и капитала, которые выдаются за научное доказательство справедливости и совершенства экономики свободно-го рынка.

Проблема, однако, заключается в том, что все эти формализованные рассуждения имеют к экономической реальности такое же отношение, как второе начало термодинамики к объяснению эволюции живой природы. Теория рыночного равновесия является по сути воспроизведением этого подхода к экономике. С той только оговоркой, что состояние равновесия, которое физики связывают с максимумом энтропии, экономисты интерпретируют как максимум эффективности использования ограниченных ресурсов. В основе такой интерпретации лежит формальное доказательство того, что любое отклонение от точки равновесия сопровождается уменьшением совокупного результата экономической деятельности и дифференциацией положения экономических агентов (ухудшением положения одних и улучшением других), в то время как в точке равновесия их результаты равны согласно принципу оптимальности поведения. Поклонников теории рыночного равновесия почему-то не смущает, что согласно этим формальным построениям они равны нулю и с точки зрения здравого смысла у экономических агентов не остается стимул к деятельности.

Лежащая в основе принципов неоклассического анализа теория рыночного равновесия интерпретирует экономику как механическую систему, стремящуюся к наиболее вероятному состоянию в результате свободной конкуренции экономических агентов. Это равновесное состояние они интерпретируют как точку оптимума, в которой достигается

наиболее эффективное использование ограниченных ресурсов. Физики его интерпретируют как точку прекращения энергетического обмена с внешней средой, в которой система приходит в совершенно хаотическое состояние. Возвращаясь к экономике, из этих интерпретаций можно сделать вывод, что, достигнув в результате свободной конкуренции точки равновесия, экономические агенты не совершают более целесообразной деятельности, а сама экономика перестает развиваться.

Экономические агенты в неоклассической парадигме бессмертны, как и молекулы в термодинамике. В точке равновесия они продолжают двигаться. Для физиков – это хаотическое движение элементов системы, энергетика которой в целом не меняется. Для экономистов – это *игра рыночных сил с нулевой суммой*, которая уравнивает выигрыши одних и проигрыши других агентов, принуждая их бесконечно двигаться вокруг точки равновесия. Удивительно, что адепты неоклассической парадигмы не замечают абсурдность своих интерпретаций экономической реальности, которая в отличие от физических систем состоит из живых людей и создаваемых ими предприятий, которые в кооперации между собой производят все более сложные продукты, постоянно наращивая объем потребляемой энергии. И хотя конкуренция между экономическими агентами действительно имеет место, игра рыночных сил в противоположность тепловому обмену в механическом сосуде ведет не к точке равновесия с нулевой суммой, а к *усложнению системы и росту потребляемой ею энергии* во взаимодействии с окружающей средой, все более отдаляя ее от точки равновесия.

Дело в том, что *экономика как живая система*, эволюционирующая к большей сложности и разнообразию производства и потребления, *никогда не бывает в состоянии равновесия*. Более того, в процессе эволюции она все более удаляется от этого состояния. *Ее развитие имеет негэнтропийный характер в направлении все более сложных и менее вероятных состояний*. Возможны частные случаи

регресса, когда экономика срывается с траектории роста в состояние хаоса и турбулентности. Но даже в этом случае вопреки второму началу термодинамики экономика как вечно живая система не стабилизируется в точке равновесия, а, проходя через структурный кризис и обновляя свою технологическую и институциональную структуру, «выходит» на новую траекторию роста. Или поглощается более сложной системой, приспосабливаясь к ее требованиям. Поэтому навязчивое сведение адептами неоклассической парадигмы экономической реальности к поиску равновесного состояния напоминает попытки средневековых физиологов раскрыть тайну жизни при помощи патологоанатомии!

Неадекватность неоклассической парадигмы реальности вытекает из ее предпосылок об абсолютной информированности, рациональности и независимости хозяйствующих субъектов, которые в условиях свободной рыночной конкуренции автоматически обеспечивают оптимальное использование ограниченных ресурсов и добиваются максимально возможной эффективности экономики. Ни одна из этих предпосылок не соответствует современной экономической реальности. Построенная на их основе экономическая доктрина никогда не даст ожидаемого результата.

Сталкиваясь с бесконечным числом необъяснимых явлений, неоклассическая теория признает возможность «провалов рынка», но интерпретирует их как несовершенство государственного регулирования отклонения от состояния равновесия. Попытки приблизиться к этому состоянию путем устранения отклоняющих воздействий государства мало чем отличаются от широко практикуемого в Средние века кровопускания в качестве универсального средства лечения от всех болезней. Таким образом, действительно можно достичь состояния равновесия, но путем убийства организма. В мертвом состоянии он не сможет эволюционировать по законам физики – произойдет его разложение до максимума энтропии в полном соответствии со вторым началом термодинамики.

Навеянная механистическими моделями равновесия вера в чудесные свойства рыночной самоорганизации предопределяет как неспособность неоклассического анализа объяснить бесконечное множество экономических явлений, так и ангажированный характер основанных на нем рекомендаций в области экономической политики, последовательно защищающей интересы частного капитала, подчас даже вопреки его владельцам, не говоря уже об интересах общества. Ведь *главный вывод этих механистических построений сводится к презумпции невмешательства государства в экономику.*

Так же, как и патологоанатом не пытается лечить человека, адепты неоклассической парадигмы не делают заниматься реальной экономикой, живое развитие которой ежедневно подвергает догматику их доктрины рыночного равновесия. Навязчивое вращение экономической мысли вокруг свойств гипотетического рыночного равновесия и оптимизации похоже на танцы дикарей вокруг идола в стремлении вызвать дождь среди ясного неба.

Если ставить перед экономической наукой задачу выработать рекомендации для развития экономики в целях подъема общественного благосостояния, то предметом ее исследования должен стать не поиск условий достижения рыночного равновесия, а наоборот, *изучение закономерностей нарастающего отклонения от него в направлении все более сложных и разнообразных видов экономической деятельности, развивающихся как целостный организм.*

Процесс развития экономики и лежащий в его основе научно-технический прогресс (НТП) остаются самой большой загадкой и аномальным явлением для неоклассической парадигмы. Ее неспособность объяснить феномен НТП, на долю которого приходится более 90% прироста ВВП развитых стран, свидетельствует о ее научной несостоятельности и необходимости разрабатывать новую научную парадигму. Это, однако, не приводит к научной революции в экономике. Многочисленные адепты неоклассической парадигмы

получают поддержку своих схоластических изысканий – мейнстрим экономической мысли уже многие десятилетия служит идеологической основой пропагандистского инструментария защиты интересов капиталистов от ограничений государством их деятельности, направленной на максимизацию прибыли.

Справедливости ради аналогичный упрек, только с обратным знаком, можно сделать в адрес политэкономии К. Маркса, который также недооценил НТП и рассуждал в близком маржиналистам духе убывающей производительности капитала, обосновывая тенденцию нормы прибыли к понижению и выводя из этого необратимость гибели капитализма. Марксистская политэкономия хоть и не стала инструментом управления хозяйственной деятельностью в практике социалистического планирования, но вполне оправдала себя как инструмент защиты интересов рабочего класса, труд которого всегда в этой интерпретации остается недооцененным в той мере, в которой капитал извлекает прибыль.

Советская политэкономия социализма оправдывала сложившуюся практику социалистического строительства, выполняя соответствующую идеологическую функцию, не претендуя на практическое применение в управлении народным хозяйством, но, как и все ветви неоклассической теории, кейнсианство и новый институционализм, она потерпела фиаско в прогнозировании долгосрочного социально-экономического развития, включая распад СССР и мировой системы социализма.

АРХАИЧНОСТЬ МЕЙНСТРИМА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Несомненно, способность мейнстрима экономической мысли, как неоклассического, так и марксистского, объяснить и предсказать развитие экономики является следствием их замкнутости на вопросах текущего обмена

результатами хозяйственной деятельности. Отвечая на эти вопросы сквозь призму своей формулы «Деньги–Товар–Деньги», К. Маркс интерпретировал процесс воспроизводства экономики как присвоение капиталом прибавочной стоимости за счет эксплуатации наемного труда. Маржиналисты отвечали на эти вопросы сквозь призму законов убывающей производительности и предельной полезности, интерпретируя процесс обмена как эквиваленты предельной производительности труда и капитала, с одной стороны, и предельных полезностей приобретаемых товаров, с другой.

Эти теории весьма убедительны с точки зрения обоснования претензий соответствующих социальных групп на присвоение результатов хозяйственной деятельности, но совершенно бесполезны для целей ее организации. *Ничто, ни другая интерпретация не объясняет закономерностей развития экономики и не может служить основой для разработки рекомендаций в области реальной хозяйственной деятельности.*

Вместе с тем любая теория является отражением реальности. Выросшие из классической политэкономии марксизм, маржинализм и неоклассическая теория отражают состояние экономики и сочетание факторов производства столетие назад, когда главными факторами производства были капитал, выступавший в форме частной собственности на средства производства, и наемный труд лишенных собственности на средства производства работников, основную массу которых составляли переселившиеся в города вчерашние крестьяне.

С тех пор экономика принципиально изменилась – ведущим фактором экономического роста стал НТП, а инвестиции в человеческий капитал стали превышать инвестиции в машины и оборудование. Государство выросло из полицейского в социальное, взяв на себя основную часть расходов на *воспроизводство человеческого капитала*, резко выросла роль творческого труда в производственной деятельности, управление предприятиями

перешло к профессиональным менеджерам, многократно усложнились отношения собственности. Все эти изменения не были осмыслены мейнстримом экономической мысли, который увяз в схоластической догматике и стал анахронизмом с точки зрения развития науки.

Проявлением архаичного состояния экономической мысли является продолжающийся по сегодняшний день непримиримый спор между двумя линиями ее мейнстрима – марксистами и маржиналистами. Он представляется как борьба двух школ экономической мысли, однако имеет не столько научный, сколько идеологический характер в рамках антагонистического противоречия между наемными работниками и капиталистами по поводу распределения результатов хозяйственной деятельности между двумя факторами – трудом и капиталом. Между тем стоит нам *включить в рассмотрение третий фактор*, который определяет развитие современной экономики, – НТП, как это противоречие перестает быть антагонистическим, поскольку преодолевается действие закона убывающей производительности, а бесконечный рост разнообразия товаров и потребительских предпочтений не позволяет вести обмен товарами ни к их стоимости, ни к предельной полезности. Сами эти категории становятся беспредметными абстракциями. Совместная деятельность работников, повышающих свой образовательный уровень, и капиталистов, инвестирующих в освоение передовых технологий, влечет за собой повышение эффективности производства и доходов за счет интеллектуальной рентны. Она является результатом синергического взаимодействия труда, капитала и науки и распределяется между участниками воспроизводственного процесса в соответствии с институтами гражданского, трудового права, законодательства о защите интеллектуальной собственности и налогово-бюджетной системой.

Можно, конечно, интерпретировать результаты НТП сквозь призму повышения степени эксплуатации труда в той мере, в кото-

рой рост заработной платы отстает от роста его производительности. Или сквозь призму повышения предельной производительности капитала в той мере, в которой растет фондоотдача. Но это не проясняет законов развития экономики, а лишь усложняет интерпретацию, которая становится все более искусственной по мере включения в процесс хозяйственной деятельности ученых, педагогов, инженеров, изобретателей, новаторов и других носителей экономики знаний, воспроизводство которой не сводится к двухфакторной модели.

Мейнстрим – будь то неоклассической или марксистской экономической мысли – можно сравнить с аргументацией в споре о дележе добычи двух соплеменников первобытной общины, один из которых убил зверя, а другой смастерил для этого лук и стрелы. Многие авторы этих популярных направлений экономической мысли любят приводить подобные условные примеры для иллюстрации своих рассуждений. Некоторые (Кларк, 2000) даже сводят все к робинзонаде, когда в голове у дикаря одновременно идет борьба между ним как охотником и им же как изготовителем орудий охоты. Но все эти рассуждения – не более чем фантазии авторов, которым невдомек, что в первобытных отношениях между людьми действовал сугубо психологический механизм, предписывавший каждому делиться необходимым продуктом с каждым (Поршнев, Леви-Стросс), а избыточный продукт хранился и распределялся *бигменом* исходя из социально-психологических законов воспроизводства родовой общины.

Механизм производства и распределения материальных благ в первобытном обществе основывался не на рациональном соизмерении предельной производительности факторов производства или затраченного труда, а исключительно на социально-психологических законах, регулирующих поведение не обремененных логическим мышлением людей. И в мифологическом сознании античных людей, и в религиозном сознании средневекового общества производство и обмен материальных благ регулировались не ра-

циональными соображениями о предельной производительности или цене рабочей силы, а устоявшимися традициями, обеспечивавшими воспроизводство общественного организма, с наличием необходимых для этого структур защиты и управления. На основании имеющихся исторических данных можно предположить, что на последнее (т.е. содержание этих структур защиты и управления) направлялось в зависимости от серьезности внешних угроз от одной десятой до одной пятой производимого продукта в натуральной форме.

Появление рыночного хозяйства в том виде, который представлен в современной «экономике», стало результатом разрушения традиционного общества и связанного с ним религиозного мировоззрения, которое запрещало процент и предписывало соблюдение сложившейся социальной иерархии с характерной для нее устоявшейся системой производства и распределения материальных благ. В рамках настоящей статьи нет необходимости описывать этот процесс, достаточно хорошо изученный исторической наукой (Бредель). Для целей настоящего анализа важно констатировать, что классическая экономическая наука так же, как выросшие на ее руинах марксизм, маржинализм и неоклассическая теория, интерпретирует хозяйственные отношения определенной исторической эпохи, начинающейся с промышленной революции. К настоящему времени, с переходом к экономике знаний, эта эпоха, по-видимому, завершилась.

Современная экономика знаний отличается от предмета «экономика» не меньше, чем экономика первобытного или традиционного общества. Результаты хозяйственной деятельности в ней определяются и не по закону предельной полезности, и не по закону стоимости. Тиражируемые без издержек программные продукты продаются по дифференцированным ценам, которые зависят от доброй воли продавца и социального статуса покупателя. Растет доля бесплатно распределяемых общественных благ. Товары под модными брендами

продаются многократно дороже аналогов такого же и даже лучшего качества. Разнообразие товаров и услуг намного превосходит способности человека рационально измерять свои объективные потребности и доходы. Реклама и искусственно создаваемые стереотипы играют в современном общественном сознании такую же роль, как легенды и мифы в доиндустриальном обществе, — они влияют на пропорции обмена куда больше затрат труда и предельной полезности.

Также и распределение доходов не сводится к предельной производительности факторов производства, а определяются в основном нормами защиты интеллектуальной собственности, социальными гарантиями и монопольными эффектами. Среди последних ведущую роль играет монополия на денежную эмиссию, которая ведется под обязательства государств и хозяйствующих субъектов в целях кредитования их расходов. Сеньораж, имевший маргинальное значение в эпоху золотого стандарта, стал важнейшим источником богатства в современную эпоху фиатных денег (Отырба, Кобыakov, 2014). Достаточно сказать, что ежегодно в обращение вливается более триллиона долларов и евро, обеспеченных лишь соответствующими государственными обязательствами. Одним нажатием кнопки Европейский центральный банк создает больше покупательной стоимости, чем Россия получает за десятилетие экспорта сырой нефти (Ершов, 2013). Накачивая экономики деньгами, эмитенты мировых валют создают больше богатства, чем зарабатываемые трудом сбережения миллиардов простых людей.

Современную финансовую систему часто называют экономикой казино, подчеркивая виртуальный характер большей части совершаемых в ней сделок. На биржах операции совершают роботы, действуя по программам, ориентированным на спекулятивные прибыли, никак не связанные с воспроизводством реальной экономики. Значительная ее часть погружена в виртуальное состояние. В структуре потребления все больший вес приобрета-

ют услуги социальных сетей, компьютерные игры, развлечения. В высокотехнологической сфере стремительно дешевеют привычные продукты и появляются запредельно дорогие новые с избыточными потребительскими свойствами. И наоборот: дорожают традиционные товары примитивного качества, востребованы услуги «состаривания», например, в мебельном или обувном деле и искусственной порчи товаров по прихоти потребительского спроса.

Мейнстрим экономической мысли игнорирует стремительное нарастание аномальных явлений, предпочитая не замечать качественные изменения в воспроизводстве экономики и все больше замыкаясь в схоластике абстрактных математических построений. *Неоклассическая парадигма оказалась бессильной не только объяснить происходящие изменения и события, но и прогнозировать дальнейшее развитие экономики.* Макроэкономическая политика ведущих стран мира ведется органами регулирования вопреки теоретическим постулатам – методом проб и ошибок. Мировой финансовый кризис приобрел перманентный характер, обостряясь каждые семь лет, поэтому в мире нарастает ощущение неопределенности и тревоги.

ПРЕДПОСЫЛКИ НАУЧНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ЭКОНОМИКЕ

В экономической науке давно назрела революция, которая по своему масштабу будет сопоставимой с революцией в медицинской науке, произошедшей столетие назад. Сегодняшний мейнстрим экономической мысли можно сравнить со средневековой медициной, которая лечила все болезни кровопусканием и основывала заумной терминологией претензии докторов на высокое вознаграждение вне зависимости от результатов лечения. Нужен переход от патологоанатомических изысканий и наукообразной схоластики к разработке теории развития организма общества.

Именно процесс развития хозяйственной деятельности, а не обмена ее результатами должен стать главным предметом экономической науки. Соответственно должна поменяться и методология.

Процесс развития характеризуется усложнением и повышением разнообразия системы. Поэтому в отличие от теории обмена, которая ориентировалась на поиск состояния равновесия и редукцию от сложного к простому в целях выявления всеобщего эквивалента, теория развития ориентируется на поиск механизмов поддержания нарастающей сложности в рамках воспроизводящей целостности. Эволюция живых (в отличие от неорганических) систем имеет негэнтропийный характер, развиваясь по пути усложнения. Поскольку экономика является живой системой, главным предметом экономической науки должно стать изучение закономерностей ее развития и соответственно механизмов ее усложнения и удержания целостности и устойчивости в процессе повышения разнообразия хозяйственной деятельности и ее результатов.

Определенные шаги в этом направлении были сделаны в рамках *эволюционной экономики*, которая в качестве предмета исследования выбрала изучение механизмов воспроизводства рутинных процессов хозяйственной деятельности (Нельсон, Уинтер, 2002). В рамках этой теории были получены нетривиальные результаты, объясняющие некоторые закономерности эволюции экономических систем, включая механизмы генерирования и распространения инноваций. В экономическую науку были привнесены математические методы анализа распространения и конкуренции видов, разработанные в экологии. Получены универсальные математические модели технологических траекторий и научно-производственных циклов (Грублер, 2002; Nakicenovic, 1987, p. 81; Grubler, 1959).

На этой основе была разработана *теория долгосрочного технико-экономического развития* как процесса последовательной смены жизненных циклов технологических

укладов (Глазьев, 1993). Были разработаны модели расширенного воспроизводства экономических систем, адекватно отражающие процесс их развития (Маевский, Малков, 2014).

Другим направлением теории развития экономики стала разработка моделей системной динамики (Форрестер, 2006, с. 384), основанных на математическом описании реальных обратных связей, обеспечивающих воспроизводство экономики. Однако сложность и нелинейность обратных связей, опосредующих воспроизводство экономических систем, их подвижность и неопределенность их изменений превосходят пока возможности компьютерно-математического моделирования. При наличии хороших моделей расширенного воспроизводства сложившихся экономических систем и распространения отдельных нововведений, структурных изменений в отдельных секторах экономики общая модель системной динамики экономики в целом до сих пор не построена ни для одной страны и, возможно, в принципе не может быть построена в силу высокой изменчивости и нарастающего разнообразия реальных экономик.

В отличие от биологических систем, эволюционирующих в течение миллионов лет, и экологических систем, стремящихся к гомеостазу, современные экономические системы пребывают в состоянии постоянной изменчивости. В течение короткого времени они могут стремиться к некоторой гипотетической точке равновесия, однако постоянно возникающие нововведения порождают точки бифуркации, меняющие траекторию движения в направлении одного или нескольких аттракторов, которых тоже не достигаются вследствие появления следующих нововведений. Теория синергетики обладает формальным аппаратом для моделирования эволюции сложных систем, но на абстрактном уровне, который не позволяет получить качественные знания о свойствах социально-экономического развития (Капица и др., 2003).

Для реалистичных моделей и прогнозов математического инструментария недостаточ-

но – требуются человеко-компьютерные методы разработки различных сценариев поведения экономической системы в зависимости от управляющих воздействий.

(см. продолжение в следующем номере)

Литература

- Богомолов О. Реформы в зеркале международных сравнений. М.: Экономика, 1998.
- Глазьев С.Ю. О необходимых мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития: доклад. М.: Институт экономических стратегий, Русский биографический институт, 2015.
- Глазьев С. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВлаДар, 1993.
- Глазьев С. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на экономическое чудо. М.: Экономическая газета, 2011.
- Глазьев С. Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. 2012. № 2 (57). С. 8–27.
- Глазьев С. Последняя мировая война. США начинают и проигрывают. М.: Книжный мир, 2016.
- Грублер А. Инновации и экономический рост. М.: Наука, 2002.
- Ершов М. Мировая финансовая система после кризиса: тенденции и проблемы развития // Деньги и кредит. 2013. № 1.
- Гэлбрейт Д. Деньги: откуда они приходят и куда уходят (Money: whence it came, where it went), 1975. URL: <http://magnetfox.com/download/2255277/galbraith-money-whence-it-came-where-it-went-1975>.
- Капица С., Курдюмов С., Малинецкий Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: УРСС, 2003.
- Кларк Дж.Б. Распределение богатства. М.: Гелиос АРВ, 2000.
- Маевский В., Малков С. Перспективы макроэкономической теории воспроизводства // Вопросы экономики. 2014. № 4.

- Нельсон Р., Уинтер С.Дж. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело, 2002.
- Отырба А., Кобяков А. Как побеждать в финансовых войнах // Однако. 2014. Июнь–июль (№ 174).
- Сахал Д. Технический прогресс: концепции, модели, оценки. М.: Финансы и статистика, 1985.
- Сорокин П. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997.
- Форрестер Д. Мировая динамика. М.: АСТ, 2006.
- Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2010.
- Десять лет системной трансформации в странах ЦВЕ и в России: итоги и уроки: Научный доклад. М.: ИМЭПИ РАН, 1999.
- Grubler A. The rise and fall of infrastructures // American Economic Review. 1959. № 9.
- Nakicenovic N. Technological substitution and long waves in the USA: The Long Wave Debate. Berlin, 1987.

Рукопись поступила в редакцию 02.06.2016 г.

ОБОСНОВАНИЕ УСЛОВИЙ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ НАДЕЖНОГО РОСТА ЭКОНОМИКИ

В.В. Коссов

Статья посвящена анализу условий, необходимых для надежного роста экономики. Слово «надежный» означает, что каждый живущий в стране человек, стремящийся улучшить свое положение, считает, что ситуация в стране «завтра» будет не хуже, чем сегодня». Оговорка о стремлении улучшить свое положение существенна, она предполагает активные действия в разрешенных законом сферах деятельности. В любой стране живут люди, от которых социум вынужден заботиться, но не они определяют стратегию развития общества. Тон в устройстве общественной жизни должны задавать пассионарные предприниматели, создающие экономику новой России.

Ключевые слова: надежный рост экономики, условия роста, пассионарные предприниматели.

ВВЕДЕНИЕ

Работа в Госплане СССР научила автора необходимости создания условий, необходимых для реализации плана. Успех плана, даже правильно составленного, зависит от того, способны ли исполнители плана справиться с порученным делом. В табл. 1 перечислено пять условий, выполнение которых необходимо для устойчивого роста экономики, которые более подробно будут рассмотрены в статье. Для удобства читателя в тексте статьи они идут под теми же номерами, что и в табл. 1.

Разрыв между словом (левая часть таблицы) и делом (правая часть) оказал негатив-

© Коссов В.В., 2016 г.